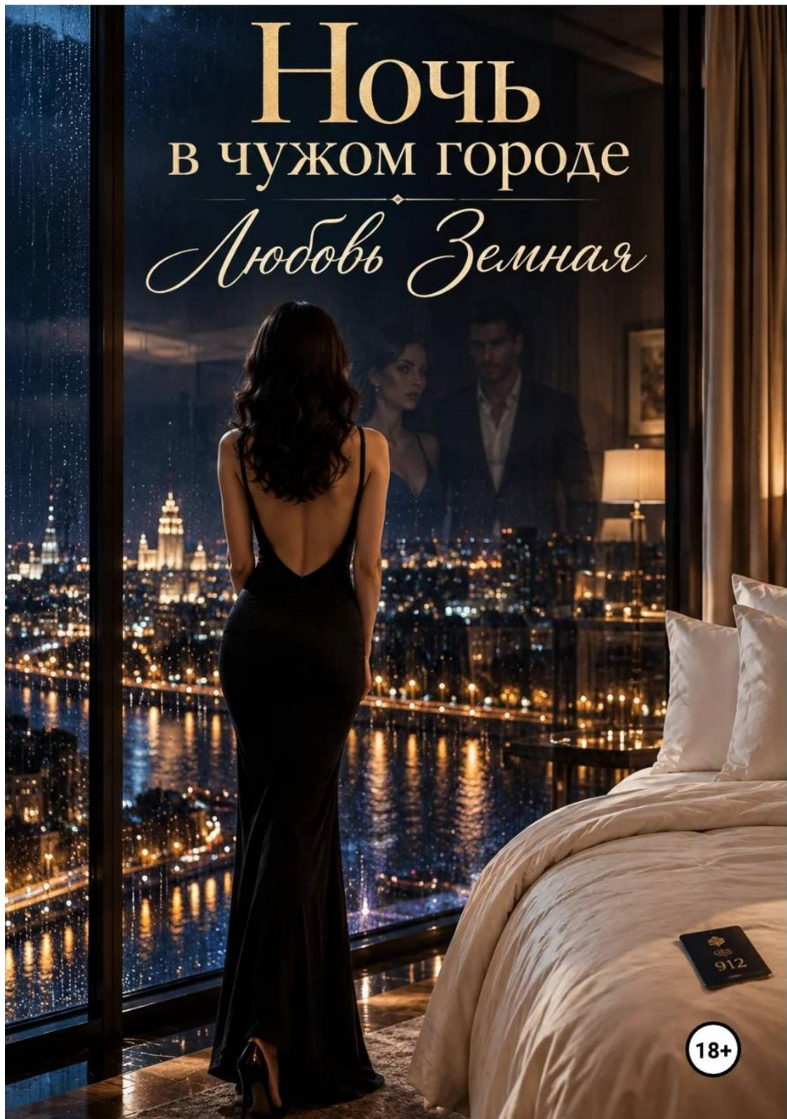

Ночь в чужом городе

♦

Любовь Земная

18+

Любовь Земная

Ночь в чужом городе

<https://litres.ru/74670733>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда, чтобы начать жить, нужно сначала потерять всё. Одна ночь может стоять целой жизни — а может стать её началом.

У неё есть муж, квартира, кредит и двенадцать лет брака, в котором давно не о чем говорить. У него — сеть отелей, женщина, которая точно знает, чего хочет и не собирается его отдавать.

У неё есть только он — две недели и одна ночь. А потом муж узнаёт. И вместо развода начинается война: долги, оформленные на её имя, увольнение по статье и соперница, которая платит, чтобы Кира исчезла.

Кире предстоит узнать, сколько стоит свобода. Илье — сколько стоит любовь.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ночь в чужом городе

Глава 1

В холле было тихо. За стеклянными дверями моросил дождь, мокрый асфальт блестел под фонарём. Кира стояла за стойкой, положив ладони на прохладный камень.

Белая блузка, тёмно-синий жилет, на груди бейдж с её именем. В зеркальной панели лифта она видела своё отражение: тёмные волосы, собранные в низкий пучок, две пряди выбились у виска, высокие скулы, длинные ресницы, тонкая шея. Тридцать два года, а усталость уже пролегла у рта двумя морщинками. Красота её не спасала: к вечеру от усталости лицо становилось серым, и только глаза оставались прежними.

Последним заселился пожилой мужчина в клетчатой куртке. Он долго искал паспорт в потёртой обложке, потом попросил номер потише, окнами во двор.

— Третий этаж. Лифт прямо и направо, — сказала Кира и положила перед ним ключ.

Он покатил чемодан к лифту. Двери закрылись, и в холле снова стало пусто.

Кира обернулась к монитору. На экране светилась таблица: занятые номера, свободные, три брони на завтра, одна с пометкой «оплачено». Курсор мигнул и замер. Она обнови-

ла страницу, хотя обновлять было нечего, и открыла почту: одно письмо, которое она откладывала с самого утра.

Она вздохнула и повернулась к вазе. Белые хризантемы стояли с обеда, края лепестков чуть подсохли. Кира вынула букет, подрезала два стебля ножницами, налила свежей воды. Один цветок наклонился набок, она поправила его, повернула головкой к свету, стряхнула с лепестка каплю.

Стало аккуратнее. В холле по-прежнему было пусто, до конца смены оставалось четыре часа, и Кира села на высокий стул за стойкой.

В восемь пришла сменщица, в мокрой куртке и с бумажным стаканом кофе.

— Ты чего такая сонная? — спросила Кира.

— Кот всю ночь гонял по квартире крышку от банки. — Она зевнула. — Соседи снизу, наверно, меня прокляли.

Кира засмеялась, впервые за всю смену. Сдала кассу, показала записи: пожилой гость из третьего просил не шуметь после одиннадцати, две брони на завтра, одна с пометкой «оплачено».

— Иди, я справлюсь, — сказала сменщица.

На улице дождь кончился, небо над крышами светлело. Кира шла к остановке, вдыхая холодный воздух, и чувствовала, как отпускает спину. Автобус подошёл почти сразу. В салоне пахло бензином и мокрой одеждой, за окном проплывали серые дома. Кира сидела у окна и думала, что дома надо поспать хотя бы до обеда. Подъезд пах сыростью и чужими

сигаретами, на подоконнике между этажами кто-то оставил пустую бутылку. Лифт гудел и не приезжал, она пошла пешком на четвёртый этаж.

Ключ повернулся тяжело. В квартире пахло кофе, на кухне сидел Костя, уже в рубашке и с галстуком, и пил из большой чашки. Рядом лежал раскрытый ноутбук.

— Пришла, — сказал он, не поднимая головы от экрана.

Кира сняла плащ, поставила сумку у стены.

— Кофе хочешь? Только он уже остыл.

— Я лягу, — сказала она.

Костя допил кофе, закрыл ноутбук и встал. В прихожей он натянул пиджак, посмотрелся в зеркало.

— Поздно буду, — сказал он и вышел.

Дверь щёлкнула. Кира осталась за столом. Квартира стала тихой. Она смотрела на его чашку с коричневым следом на дне и думала, что всё давно изменилось. Двенадцать лет назад они снимали комнату на окраине. Там стоял продавленный диван, стол из ДСП и окно, которое не закрывалось до конца. Они ели макароны с кетчупом, сидя на полу, и смеялись над чем-то, чего теперь и не вспомнить. Костя обещал, что всё будет, и она верила.

Всё получилось: квартира, машина. Только говорить им стало не о чем. Кира встала, вылила остатки кофе в раковину. Любовь, наверное, осталась, но стала похожа на привычку: тёплая, вязкая, как остывшая каша.

Кира умылась холодной водой, разобрала постель и легла.

Дождь стучал по подоконнику, она уснула быстро, как провалилась.

Будильник поднял её в шесть. Голова была тяжёлая, во рту сухо. В квартире стояла тишина. Она выпила чаю, собралась и к восьми пришла в гостиницу.

Сменщица стояла за стойкой и что-то записывала в журнал. Увидев Киру, отложила ручку.

— Ну что, выспалась?

— Как сурок.

— А у меня кот скинул с подоконника фикус. Думала, со-
седи полицию вызовут.

Кира засмеялась. Сменщица сдала ей кассу, продиктовала брони, потом наклонилась через стойку и понизила голос:

— Слышала новость? Нашу гостиницу перекупают.

— Кто сказал?

— Бухгалтерша. Будто новый хозяин уже приезжал, ходил по этажам, смотрел. Говорят, будет новое начальство, и всех проверят.

Кира пожала плечами, но внутри что-то дрогнуло: зарплата, ночные, кредит за машину.

— Да ладно, врут, — сказала она.

— Может, и врут. — Сменщица натянула куртку.

Утром в гостинице творилось что-то необычное. Кира ещё не сдала смену, когда в холл вышла старшая горничная и велела заново вымыть полы, хотя их только что вымыли. К девяти пахло полиролью, у лифта блестели медные ручки, на

стойке вместо хризантем стояли свежие розы. Администраторша бегала с журналом и ни на кого не смотрела.

Кира спросила у горничной, в чём дело. Та оглянулась и понизила голос:

— Приезжает хозяин. Тот, который нашу гостиницу выкупил. У него сеть по всей стране, двадцать отелей.

— Когда?

— К обеду. С проверкой. Говорят, всех соберут в конференц-зале.

Кира посмотрела на себя в тёмное стекло двери: мятая блузка, тени под глазами, волосы выбились из пучка. Ночная смена кончилась очень некстати.

В половине девятого в холл вышел старший администратор, высокий и худой мужчина, пиджак висел на нём, как на вешалке. Он поправил очки и постучал ручкой по журналу.

— Прошу внимания. Сегодня после смены никто не расходится. В двенадцать всех ждут в конференц-зале на втором этаже: нам будут представлять нового владельца.

По холлу прошёл шёпот. Горничная из второго корпуса подняла руку:

— И ночным тоже оставаться?

— Всем, — сказал администратор, и очки снова сползли у него на нос. — Список я передам на стойку, отмечайтесь.

Кира вздохнула. Ей хотелось домой, в постель до вечера, но теперь надо было ждать двенадцати и улыбаться человеку, которого она никогда не видела. Она посмотрела на часы: до

собрания оставалось три часа.

В офисе на последнем этаже было тихо, гудел кондиционер. Илья сидел за столом из тёмного дерева, откинувшись в кресле: пиджак висел на спинке, рукава рубашки закатаны до локтей, галстук ослаблен. Высокий, широкоплечий, с крепкой шеей и руками человека, который не забывает про зал даже в командировках. Женщины оборачивались ему вслед, он давно привык, что на него смотрят.

Напротив сидел Дима, правая рука и лучший друг, в клетчатой рубашке и джинсах, с планшетом на колене.

— Итого двадцать два отеля, — сказал он, пролистывая таблицу.

— Двадцать два, — согласился Илья и посмотрел в окно.

— В двенадцать представление в новой гостинице. Ты сам хотел приехать.

— Помню. — Он повернул на запястье часы. — Поедем. Надо посмотреть, кого мы купили вместе с мебелью.

Дима усмехнулся и закрыл планшет.

— Мебель нормальная. А вот персонал... — Он поморщился. — Управляющий, говорят, выпивает.

— Значит, найдём другого.

Илья встал, снял с вешалки пиджак и подошёл к окну. Внизу текла улица: машины, люди с зонтами, мокрый асфальт.

— Ты бы сам съездил, посмотрел, — сказал Дима. — Ты же у нас всё хочешь своими глазами.

— Съезжу.

— И ещё. Оля звонила дважды, спрашивала, когда ты вернёшься.

— Скажи, в пятницу.

— Она не любит, когда ты не берёшь трубку.

— Я знаю.

Дима пошёл к двери, на пороге обернулся.

— Машина внизу. Через сорок минут надо быть на месте.

Илья надел пиджак, поправил манжеты и посмотрел на себя в тёмное стекло.

Ему было сорок лет. В тёмном стекле отражался высокий мужчина в дорогом костюме, с усталым лицом и коротко стриженными волосами, в которых уже пробивалась седина у висков.

Ни жены. Ни детей.

Была Оля, которая ждала его по пятницам. Оля была на двенадцать лет младше. Двадцать восемь, высокая, с прямой спиной и волосами цвета пшеницы, которые она носила так, чтобы было видно шею.

Она знала, чего хочет, с восемнадцати лет. Список был короткий и ясный: Москва, квартира в центре, муж, который не считает деньги и не задаёт вопросов. Илья подходил по всем пунктам, и она это понимала с первой их встречи, когда он засмеялся над её глупостью про погоду.

Держать его в руках она умела мягко, без скандалов. Звонила дважды в день, чтобы он помнил о ней. Приезжала

без предупреждения, чтобы проверить. Помнила имена его партнёров и даты сделок и никогда не путала. Говорила «мы», когда речь шла о будущем, — и это звучало так естественно, что он не спорил.

Ему было удобно. Она была красивой, умной и точно знала, куда идёт. А он иногда, слушая её «мы», думал, что это её «мы», а не его.

Была шикарная квартира на двадцать восьмом этаже, где он не проводил и половины ночей. Был бизнес — двадцать два отеля, полторы тысячи человек в подчинении, сделки, отчёты, перелёты.

Он смотрел на своё отражение и думал, что всё это не то.

В двадцать пять он считал, что успеет. В тридцать — что время ещё есть. В тридцать пять перестал об этом думать, потому что работы стало больше. А теперь ему было сорок, и впереди были только сделки: одна, вторая, десятая.

Илья поправил галстук. Узел вышел ровным, как всегда. Потом взял со стола ключи и вышел.

Глава 2

У лифта его догнал начальник финансового отдела, небольшой, лысеющий, с папкой под мышкой.

— Илья Сергеевич, на минуту.

— Что там?

— Банк вернул платёж по третьему отелю. Нужна ваша подпись и звонок в кредитный отдел, иначе сделка сдвинется на неделю.

Илья посмотрел на часы, потом на Диму, который уже стоял у лифта с ключами в руке. Дело было на пять минут, а то и на час.

— Дима, езжай один, — сказал он. — Проведёшь совещание без меня. Скажешь, что я приеду на следующей неделе, и попросишь отчёты за квартал.

— Ты уверен?

— Уверен. Позвони, как закончите.

Дима кивнул и вошёл в лифт. Двери закрылись. Илья повернулся к финдиректору:

— Пошли. И покажите мне всё по каждому пункту.

В конференц-зале было душно. Кира сидела во втором ряду, рядом Люда с приёмки и две горничные, за ними официанты из кафе. Администраторша стояла у стола и поминутно поправляла воротник.

В пять минут первого дверь открылась. Вошёл мужчина

лет сорока в тёмном пальто, с папкой под мышкой, и совсем не был похож на того, кого печатают на обложках деловых журналов. Он подошёл к столу, положил папку, расстегнул пальто.

— Добрый день, — сказал он. — Меня зовут Дмитрий. Илья Сергеевич приехать не смог, у него срочные дела. Сопровождение проведу я.

По залу прошёл шёпот. Кто-то у окна разочарованно выдохнул, администраторша застыла с открытым ртом.

Кира смотрела на него и вспоминала утреннюю суету, розы на стойке и то, как все бегали с журналами.

Дмитрий открыл папку, поднял глаза и начал совещание. Совещание закончилось в начале третьего. Дмитрий собрал бумаги, коротко поблагодарил и уехал, а в зале ещё долго гудели, обсуждая нового начальника. Кира поехала домой.

Кости не было дома. Она сняла плащ, поставила сумку на тумбочку в прихожей. Открыла душ и долго стояла, потом завернулась в полотенце и легла в постель.

На часах было десять вечера. Костиного пальто в прихожей не было, его тапочки стояли у двери. Утром он сказал: «Поздно буду». Кира лежала на спине, смотрела в потолок и думала, ну не до такой же степени поздно...

Кира не заметила, как уснула. Проснулась оттого, что под полотенце скользнула рука. Тёплая, шершавая, она забралась под влажную ткань, провела по животу, полезла ниже.

В комнате пахло спиртным. Костя дышал тяжело и неровно, в темноте она видела только силуэт.

— Кость, — сказала она.

Он не ответил. Стянул полотенце, бросил на пол, коленом раздвинул ей ноги и вошёл сразу, сухо и резко. Кира охнула, вцепилась в простыню. Он двигался быстро, прижавшись к ней, не целуя, а она лежала, глядя в тёмный потолок, и ждала, когда всё кончится.

Он быстро закончил, скатился на свою половину, и через минуту уже спал, из приоткрытого рта выходило тяжёлое дыхание с винным запахом. На потолке лежала косая полоса света от уличного фонаря, и в ней медленно оседала пыль. Кира лежала неподвижно, чувствуя, как белая жидкость стынет на коже и стягивает её тонкой плёнкой. Полотенце белело на полу возле кровати, мокрое, скомканное. В ванной капал кран, и каждый удар капли отзывался у неё в висках тупой болью.

Утром Кира встала первой. Небо за окном было серое, по стеклу ползли капли. Она насыпала кофе в турку, поставила на огонь и смотрела, как поднимается пена. За спиной слышались шаги. Костя вошёл на кухню в трусах и мятой футболке, взъерошенный, с отёкшим лицом и запахом перегара. Подошёл, поцеловал её в щёку, коротко, в самый край.

— Доброе утро.

— Ты вернулся поздно.

— Прости Кирюш. Мы с ребятами отмечали окончание

сделки. Тащили этот контракт полгода, наконец подписали. — Он сел за стол и потёр лицо ладонью. — Я думал, ты спишь.

— Спала, — сказала Кира и сняла турку с огня.

Он налил себе кофе, отхлебнул и поморщился. Она стояла у плиты и думала, что хуже всего наверное даже не ночь, а вот это «доброе утро».

Костя допил кофе, побрился, оделся и в половине девятого ушёл. Дверь за ним щёлкнула, и Кира осталась в квартире одна.

Она перешла в зал и села на диван, поджав ноги. Телевизор не включила; в комнате было тихо, только за окном шуршали шины по мокрому асфальту. Она думала, что у них с Костей давно не разговоры, а обмен расписанием. «Ты во сколько?» — «Не знаю». «Купи хлеба». И всё.

Брак стал привычкой, как старые тапочки: вроде жмут, а менять лень. Восемь лет она стояла за стойкой, восемь лет ночных смен, чужие чемоданы, запах хлорки и кофе из автомата. В этом месяце у неё двенадцать ночей. Кира посчитала и вздохнула.

Усталость была не в ногах. Она сидела где-то в груди и не проходила ни после душа, ни после сна.

Кира вышла из магазина в половине восьмого с тяжёлым пакетом. Дождь прошёл ещё ночью, асфальт блестел, у бордюра стояли длинные лужи, в них отражались фонари. Она торопилась: в восемь смена, а дома ещё надо было поесть

и собраться.

Пакет с молоком и картошкой оттягивал руку. Кира шла быстро, глядя под ноги, и на повороте, у самой обочины, мимо неё с шумом пронеслась чёрная машина. Волна ударила по ногам, по пальто.

— Да ты издеваешься, — сказала она вслух.

Через пару метров машина резко остановилась. Дверца открылась, и вышел мужчина в тёмном пальто: высокий, широкоплечий, с загорелым лицом. Он пошёл к ней, не торопясь. Кира подняла глаза. Он стоял в свете фонаря, и ей пришлось смотреть вверх. Тёмные глаза, тяжёлые брови, ровный нос, чёткая линия подбородка с тёмной щетиной. Пальто сидело на широких плечах так, будто было сшито на него под заказ, а из-под воротника виднелся тёмный свитер.

Красивых мужчин она видела каждый день. В гостинице останавливались и высокие, и спортивные, и в дорогих костюмах. Но те были просто ухоженными, как витрина. Этот же был по мужски красив, той красотой, от которой девушки теряют головы. Кира почувствовала, как у неё сохнет во рту и спине пробежали мурашки. Она поправила пакет, чтобы чем-то занять руки.

— Простите. Я вас облил...

Она посмотрела на свои джинсы, на пакет, с которого капало.

— Я не видел лужу. Виноват. — Он глянул на её пакет.
— Давайте доведу.

— Только я мокрая.

— Ничего. Садитесь.

Он открыл перед ней дверцу. В салоне пахло кожей. Всё блестело: панель, ручки, широкий экран на консоли, мягкая подсветка у ног. На полу лежал коврик без единой пылинки.

Кира села и прижала пакет к коленям. Кожа сиденья была холодная и гладкая, и от мысли, что она испортит её мокрым пальто, стало неловко. С пакета капало, она подставила под него ладонь.

Он обошёл машину, сел за руль, мотор завёлся почти беззвучно.

— Куда?

— Заречная, шестнадцать.

Она покосилась на его руки на руле: широкие ладони, коротко подстриженные ногти, на левом запястье дорогие часы.

— Илья, — сказал он, не поворачивая головы.

— Кира.

Он выехал на дорогу.

— Вы здесь живёте?

— Здесь. А вы, судя по номерам, издалека.

— Из Москвы. Приехал по делам. — Он помолчал. — Надолго ли, сам пока не знаю.

— А я в гостинице работаю, администратором. Вон там, за рынком.

Он коротко глянул на неё.

— В «Заречье»?

— А вы откуда знаете?

— Табличка на фасаде. — В углу его рта мелькнула усмешка. — Проезжал мимо.

— Понятно.

В стекле отражались фары встречных машин. Илья не спрашивал лишнего.

— И как вам город? — спросила Кира.

— Мокрый.

— К пятнице обещают солнце.

— Значит, в пятницу я смогу выходить из машины и не тонуть, — сказал он.

Кира фыркнула. Дальше разговор пошёл сам собой. Он рассказал, что весь день провёл в разъездах и отвык от такой погоды, она вспомнила гостя, который вызывал горничную, чтобы та застелила ему постель.

— А сам почему не мог?

— Говорил, что боится.

— Боится постели?

— Боится, что простыня ляжет криво.

Илья засмеялся, от этого смеха у неё внутри что-то дрогнуло. Он оказался старше, чем казался сначала: у глаз собирались тонкие морщинки.

Кира вдруг поняла, что сидит вполоборота, положив локоть на дверцу, и улыбается так, как уже давно не улыбалась. Дома они с Костей в последнее время особо не разговарива-

ли, на работе было некогда, и получалось, что она смеётся первому мужчине за много месяцев.

На светофоре Илья посмотрел на неё искоса. Она сидела, прижимая к коленям мокрый пакет. Тушь чуть размазалась у ресниц, пальто потемнело от воды, и всё равно она была красива: тёмные глаза, тонкие черты, живое лицо, которое менялось, пока она говорила.

«Красивая, — подумал он. — Очень красивая».

Илья много лет жил среди женщин из высшего общества, которые носили дорогие брендовые одежды, ухаживали за собой в лучших салонах. Эта не старалась выглядеть никак. Она теребила ручку пакета, хмурилась, когда вспоминала гостя с простынёй, и смеялась, будто удивляясь сама себе.

Загорелся зелёный, сзади посигналили. Илья тронулся и поймал себя на мысли, что хочет, чтобы дорога оказалась длиннее.

Он остановил машину у её подъезда, у самого тротуара. Илья не заглушил мотор и ничего не сказал. Кира тоже молчала. Рука лежала на пакете, в луже под фонарём дрожал свет. «Зачем я сижу? — думала она. — Надо сказать спасибо, открыть дверцу и выйти. Это некрасиво. Он ждёт».

— Спасибо, что подвезли, — сказала она, но дверцу не открыла.

Илья кивнул. В салоне было тепло. Кира положила ладонь на ручку дверцы. Пальцы сжались, ручка чуть подалась, и всё. Она сидела и смотрела прямо перед собой, чувствуя, как

от тишины начинает звенеть в ушах.

— Кира, — позвал он.

Она обернулась.

— Оставьте мне свой номер.

Кира продиктовала цифры, он забил их в телефон.

— Записал, — сказал он.

— Ну, я пойду.

Она открыла дверцу и вышла. Мокрые джинсы облепили ноги. Кира придержала дверцу, сказала «до свидания» и пошла к подъезду, слыша за спиной, как работает мотор. Машина тронулась не сразу.

Потом она поднималась на четвёртый этаж пешком и всю дорогу повторяла про себя: «Господи, зачем я дала ему номер. Зачем». В голове не было ни одной разумной причины: ни оправдания, ни объяснения.

Глава 3

Выходные прошли в молчании. В субботу Костя проспал до обеда, потом весь день сидел за компьютером. Кира стирала, готовила, вымыла пол в коридоре. Вечером они посмотрели фильм, каждый со своим телефоном в руках.

В воскресенье поругались из-за футболки.

— Где моя серая? — спросил Костя, выдвигая ящик. — Та, с дыркой у воротника.

— Я её выбросила. Она была старая.

Он выпрямился и посмотрел на неё так, будто она разбила телевизор.

— Ты не могла спросить?

— Кость, она уже старая была.

— Я в ней дома хожу. Мне в ней удобно.

— Купим новую.

— Я не просил новую, — сказал он слишком громко и вышел из спальни.

Кира осталась стоять у ящика. В последнее время он злился по любому поводу: из-за пробок, из-за новостей, из-за света, забытого в коридоре. Раньше он был другой, а теперь словно ходил с заведённой пружиной, и она не знала, когда она щёлкнет.

Через полчаса в комнате зазвонил телефон. Кира мыла посуду и слышала через дверь, как он разговаривает.

Сначала Костя отвечал коротко: «Да. Нет. Понял». Потом начал спорить. Голос у него поднимался, и в нём было столько злости, что Кира выключила воду, чтобы лучше слышать.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Хорошо. Я понял.

Дверь открылась, и он вышел на кухню. Лицо у него было серое.

— Что случилось?

— В среду еду в командировку. На неделю.

— Куда?

— Далеко. Неважно. — Он открыл холодильник, постоял, закрыл, ничего не взял. — Проверка какая-то. Кто-то накосячил с документами, а ехать мне.

— Ничего, — сказала Кира. — Неделя быстро пройдёт.

— Ага. Быстро.

Он взял с подоконника зажигалку и вышел на балкон.

В понедельник Костя ушёл в половине восьмого. Кира слышала, как повернулся ключ в замке, и в квартире стало тихо. Её смена была только во вторник, впереди был длинный и скучный день.

Она вымыла чашки, полила цветы, погладила его рубашки. К одиннадцати поняла, что не знает, чем заняться. Телефон пиликнул на столе. Кира взяла его, думая, что это Костя, и на экране увидела незнакомый номер. Сообщение было коротким:

«Доброе утро. Надеюсь, вы не простудились. Илья».

Она прочитала его два раза, потом ещё раз. Ничего осо-

бенного в этих словах не было, а руки всё равно дрожали. Кира набрала ответ, стёрла, набрала снова:

«Здравствуйте. Не простудилась».

Отправила и сразу положила телефон на стол, будто он был горячий. Через минуту он пикинул снова, и Кира вдруг поняла, что улыбается.

Он ответил через минуту:

«Значит, пальто мокрое, молоко разлилось, а вы всё-таки сели в машину к незнакомому мужчине. Смело.»

«А вы, выходит, специалист по обливанию женщин водой. Оригинально.»

«Это был тест. Вы его прошли»

«И что я выиграла»

«Картошку и молоко. Записал в блокнот, чтобы не забыть.»

«Молоко у меня уже вытекло в пакет. Придётся вам компенсировать? — Кира стёрла слово и написала заново: — Придётся вам возмещать.»

«Возмещу. С процентами.»

Потом он спросил:

«Вы сегодня работаете?»

«Завтра в ночь.»

«Ночная смена в гостинице, где гости боятся кривых простыней. Похоже на сериал.»

«Сериал без гонорара.»

«Тогда я буду смотреть его в записи.»

Кира посмотрела на часы: прошло сорок минут. Она сидела на диване с телефоном в руках и улыбалась.

В среду Костя встал в шесть, раньше обычного. Кира вернулась с ночной в семь, легла, и только успела прилечь, как услышала, что он открывает шкаф и выдвигает ящики.

— Кира!

Она пришла в спальню.

— Где белая рубашка?

— В стирке. Я не успела погладить.

— Я же просил. Мне сегодня ехать.

— Кость, я с ночной. Только пришла, я устала.

— И что? Другие как-то успевают.

Кира промолчала. Он сдёрнул с плечиков другую рубашку, помял её пальцами и бросил на кровать.

— Мне что, в мятом ехать?

— Я поглажу сейчас. Это пять минут.

— Не надо. Я сам.

Он ушёл в ванную и закрыл за собой дверь громче, чем нужно. Кира постояла в спальне в одних носках. Потом всё-таки включила утюг и выгладила рубашку, пока он собирал вещи.

— Ты вообще замечаешь, что вокруг тебя происходит? — Закричал Костя.

— В каком смысле?

— Я работаю как проклятый, — сказал он, и голос у него сразу стал ровнее и злее. — У меня сделка на носу, коман-

дировка, начальник орёт. Я прихожу домой, а тут ни ужина, ни рубашки. Ничего.

— Я с ночной смены, Кость, — сказала Кира.

Он усмехнулся. — У всех нормальные жёны: дом, ужин, порядок. А у меня что?

— Что у тебя? Ты сам домой поздно приходишь, — сказала она тихо.

— Не начинай. Я для нас стараюсь.

Кира смотрела на него и понимала, что не узнаёт. Он ещё что-то говорил про деньги, про то, что она ничего не хочет, потом махнул рукой и ушёл в прихожую.

Дверь хлопнула. Кира постояла, слушая, как поворачивается ключ, потом шаги на лестнице, потом тишину. Она подошла к окну и увидела, как он вышел из подъезда, сел в машину и уехал, не оглянувшись.

Кира вернулась в комнату, села на диван и заплакала. Не громко, без всхлипов: просто слёзы потекли, и она прижала ладонь ко рту.

Она плакала не из-за рубашки, она плакала из-за ночей, из-за его голоса, из-за того, что не могла вспомнить, когда он целовал её последний раз не в щёку. Из-за усталости, которая не проходила.

Всю неделю, пока Кости не было, Кира переписывалась с Ильёй. Начиналось всё с пустяков. Он писал по утрам: «Доброе утро. Как смена?» — и она отвечала, держа телефон под папкой, чтобы не видели девочки с приёмки.

В четверг он прислал фотографию мокрой улицы из окна.

«У вас всегда такая погода?»

«Только по чётным.»

«А по нечётным?»

«Снег.»

В пятницу спросил, что она будет делать в выходные. Кира написала: «Спать». Он ответил: «Скучно». Она: «Зато бесплатно».

Она ловила себя на том, что проверяет телефон каждые десять минут, и одёргивала себя. Костя звонил раз в день, спрашивал про дела и быстро прощался. А Илья писал по вечерам, и от его сообщений у неё теплело в груди, а потом становилось стыдно.

В субботу Кира вспомнила, что собиралась заказать крем и колготки. Ноутбук лежал на столе в зале, Костя оставил его, когда уезжал, и она открыла крышку.

Экран загорелся, браузер открылся на прежней вкладке. Кира хотела его закрыть, но палец промахнулся, и вместо магазина на весь экран развернулся сайт с сообщениями. Аккаунт был не закрыт.

Первое, что она увидела, было: «Солнышко, доброе утро». А выше: «Ты мне снился».

Кира замерла. Потом стала листать вверх, и в груди стало холодно. Девушка на маленькой фотографии улыбалась, светлые волосы падали на лицо. Она писала про работу, про какую-то поездку.

Кира закрыла ноутбук. Посидела. Открыла снова: переписка была на месте. Кира сидела и смотрела на экран, пока в глазах не потемнело. Потом встала, налила воды, выпила всю и вернулась к ноутбуку. Пробежала ещё раз глазами, ничего конкретного не было. Ноутбук она закрыла и убрала с глаз. Ей стало не по себе, в голове тихо и пусто. И где-то на самом дне этой тишины она вдруг подумала об Илье.

Телефон пиликнул почти сразу, будто он её услышал.

«Сегодня суббота. Ты обещала спать, но это можно перенести».

«А на что?» — написала Кира.

«На ужин. Здесь есть ресторан над рекой, говорят, хороший. В восемь».

Она посмотрела в окно. Солнце уже садилось.

«У меня нет ничего нарядного».

«Приходите как есть».

Кира вспомнила девушку со светлыми волосами, её слова «когда ты рядом, я не могу дышать», и ей стало противно.

Она набрала «хорошо» и стёрла. Набрала снова.

«Хорошо. В восемь».

Потом пошла в спальню и открыла шкаф. Чёрное платье висело в самом углу, она надевала его последний раз года два назад. Кира приложила его к себе и посмотрела в зеркало.

Кира смотрела на себя внимательно, как на чужую, и видела то, чего раньше не замечала: две морщинки у рта, тени под глазами, которых не брал тональный крем, и шею, кото-

рая уже была не такая гладкая, как в двадцать пять.

Волосы она по привычке собрала в пучок. С пучком лицо делалось строгим и старило её лет на пять.

— Надо распустить, — сказала она вслух и сама удивилась своему голосу.

Она стянула резинку, волосы упали на плечи, тёмной волной, тяжёлые, давно не стриженные. Стало лучше. Всё равно не то, но лучше.

Потом она полезла в нижний ящик за туфлями. Лодочки на каблуке стояли там с прошлой зимы, на одной была царапина на носке. Кира протёрла их и поставила на пол.

Платье надела, застегнула молнию и обернулась к зеркалу. В талии было свободно: она похудела. Она провела ладонями по бокам, вздохнула и подумала, что за последние годы она очень изменилась.

Глава 4

Ресторан занимал последний этаж, за стеклом горели огни моста и вода. Илья вошёл без пяти восемь.

Швейцар в ливрее выпрямился и поклонился так низко, что стало неловко:

— Добрый вечер, Илья Сергеевич.

Метрдотель уже шёл навстречу, а за его спиной официанты засуетились: один поправил салфетку на столике, второй понёс куда-то поднос, третий бегом пошёл к бару.

— Угловой, у окна, — сказал Илья.

Его провели через зал. Он сел спиной к людям, лицом к стеклу, где за рекой горели окна домов. На скатерти стояли приборы, бокалы и свеча в стеклянном стакане. Официант подал воду, спросил про вино.

— Подождём, — сказал Илья и посмотрел на часы. Без двух минут.

Он не помнил, когда последний раз волновался перед встречей с женщиной. С Олей всё было давно и привычно.

Он услышал цокот каблуков по мрамору раньше, чем увидел её, и обернулся. Кира шла через зал, и метрдотель что-то говорил ей на ходу, а она кивала. Чёрное платье облегалo её и доходило до пола, открытые плечи светились в тёплом свете ламп, тёмные волосы падали на них волной. Туфли на тонкой шпильке делали её выше, в руке она держала малень-

кую сумочку и придерживала ею подол.

Илья встал. Он хотел сказать «добрый вечер», а получилось:

— Ты...

— Здравствуй, — сказала Кира и остановилась у стола. — Я не опоздала?

— Нет. — Он наконец выдохнул. — Совсем нет.

Он обошёл стол и отодвинул для неё стул, от неё пахло чем-то тёплым, знакомым. Они просидели почти три часа. Шампанское принесли сразу, во льду, в высоком ведре. Кира сначала держала спину слишком прямо и боялась сказать не то, потом выпила бокал, и разговор пошёл сам: про гостей, которые путают этажи, про начальницу, которая проверяет пыль на карнизах, про его переезды из города в город. Он смеялся, запрокидывая голову, и она ловила себя на том, что смотрит на его шею.

Официанты вились вокруг их стола, как пчёлы: кто-то всё время поправлял салфетки, кто-то подливал воду, хотя бокалы были полные. Метрдотель подошёл дважды. В первый раз спросил, всё ли в порядке, во второй — предложил пересесть, если здесь дует.

— Почему они вокруг нас бегают? — шёпотом спросила Кира.

— Может, я похож на проверяющего, — сказал Илья.

— На кого?

— На инспектора из санэпидемстанции.

Кира засмеялась и чуть не поперхнулась шампанским. За окном река стала совсем чёрной, на воде дрожали огни моста.

От шампанского у Киры зашумело в голове, щёки горели, звуки стали ближе, а мысли шли медленнее, чем обычно. Она поймала себя на том, что говорит громче, чем нужно, и откидывается на спинку стула, чего никогда себе не позволяла.

— Знаешь, — сказала она, — в этом платье я чувствую себя как на выпускном. Только музыка не та.

Илья улыбнулся.

— Я живу этажом ниже.

Кира поставила бокал.

— В каком смысле?

— Здесь гостиница. Я снял номер на девятом.

Она посмотрела на него поверх свечи. Официант подошёл, убрал пустую бутылку и снова исчез.

— То есть ты каждый вечер поднимаешься сюда ужинать?

— Первый раз.

— А если бы я не пришла?

— Поднялся бы с тобой в следующую субботу.

— В следующую субботу я работаю, — ответила Кира и сама удивилась, что голос её звучит почти весело. — В ночь.

Илья встал, обошёл стол и остановился у неё за спиной. Она почувствовала его тепло, запах вина и дорогой туалетной воды.

Он наклонился.

— Кира, — сказал он почти шёпотом, и губы его почти касались уха, — я хочу пригласить тебя к себе.

От этого голоса у неё по шее и плечам прошли мурашки, она почувствовала, как жар поднялся от низа живота к груди, к лицу.

Кира сидела не двигаясь, пальцы сами сжали салфетку. Надо было сказать «нет», вызвать такси, поехать домой, к ноутбуку и к своей пустой квартире. Но она повернула голову, и они оказались слишком близко друг к другу. Он не отстранился. Смотрел на неё сверху вниз и ждал, в этом ожидании не было ни давления, ни насмешки, только сосредоточенное напряжение.

— Хорошо, — прошептала Кира.

Илья выпрямился и кивнул, как будто другого ответа не ждал. Он положил на стол карту, не глядя на счёт, официант появился сразу, словно стоял рядом. Илья подал ей руку. Кира встала; ноги были ватные. Они пошли через зал, метрдотель провожал их до лифта и что-то говорил про «всегда рады», а она кивала не слушая.

В зеркальной стене лифта она на себя не смотрела. Илья нажал кнопку девятого этажа.

Лифт остановился, двери разъехались. В коридоре было тихо, на полу лежал толстый ковёр. Илья приложил ключ-карту к замку, щёлкнуло, и он пропустил её вперёд. Кира остановилась на пороге. Номер был огромный. Половину

стены занимало окно во всю ширину, за ним лежала чёрная река и мост с огнями. В комнате горели только две лампы, свет был тёплый и мягкий. Слева стояли кожаное кресло, стол с бутылкой воды и ваза с сухими ветками. А посередине, на низком подиуме, кровать. Широкая, застеленная белым, с четырьмя подушками и покрывалом цвета топлёного молока.

Кира стояла в дверях, прижимая сумочку к груди.

— Проходи, — сказал Илья и снял пиджак.

Кира прошла в комнату. Она остановилась напротив кровати, не зная, куда деть сумочку: положила на покрывало, потом взяла обратно. За окном внизу горел город, рассыпанный на мелкие искры. Она услышала, как он подошёл. Руки легли ей на талию и притянули к себе, она почувствовала спиной его грудь, тепло через рубашку, его дыхание возле виска.

Илья наклонился и поцеловал её в шею, у самой линии волос. Не сразу, медленно, задержавшись губами на коже. Кира вздрогнула и откинула голову назад, к его плечу.

— Я так долго об этом думал, — сказал он тихо, почти не отрываясь.

У неё пересохло во рту. Одна его рука лежала на её животе, вторая поднялась к открытому плечу, от прикосновения по телу пошла дрожь. Она закрыла глаза, слыша, как громко дышит, и позволила себе ни о чём не думать.

Он нашёл на спине молнию и потянул медленно, зубчик

за зубчиком. Звук казался оглушительно громким в тишине комнаты. Платье ослабло, сползло с одного плеча, и Илья повернул её к себе.

Кира стояла перед ним, чувствуя, как ткань держится только на бёдрах. Сумочка выпала у неё из руки, мягко ударилась о ковёр, замочек щёлкнул. Она не стала наклоняться.

Он взял её лицо в ладони и поцеловал в губы. Не спеша, сначала легко, будто давал ей время отступить. Кира обняла его за шею, пальцы сами забрались в короткие волосы на затылке, и поцелуй стал глубже. Платье соскользнуло до бёдер и легло тёмной лужицей у её ног.

Илья подхватил её под колени и поднял, будто она ничего не весила. Кира вцепилась в его плечи, кожа под рубашкой была горячее. Он понёс её к кровати, не прерывая поцелуя, она слышала, как её собственное дыхание срывается ему в губы.

Он положил её на кровать, на светлое покрывало. Кира утонула в подушках, пахнувших чистым бельём и немного лавандой. Илья навис над ней, опираясь на локоть, и стал целовать её лицо: лоб, веки, скулу, уголок губ. Потом шею, за ухом, где кожа тонкая, и она выгнулась, не сдержавшись. Он спустился ниже: ключица, ложбинка, и наконец взял её грудь в ладонь. Поцеловал, у неё перехватило дыхание.

Кира вцепилась в его рубашку и потянула вверх. Он приподнялся, чтобы помочь, она стянула её через голову. Под рубашкой у него было горячее тело, широкая грудь, твёрдый

от напряжения живот. Она провела ладонями по его спине, чувствуя, как ходят под кожей мышцы.

Илья выпрямился на коленях, расстегнул ремень, пуговицу, и брюки поехали вниз. Он сбросил их на пол и снова наклонился к ней.

Лёг рядом, прижавшись к её боку, его ладонь легла ей на колено. Потом медленно пошла вверх по бедру, по внутренней стороне, где кожа была совсем гладкая и нежная.

Кира задержала дыхание. Он не торопился: провёл вверх, потом немного вниз, снова вверх, и от этой неторопливости у неё потянуло внизу живота. Пальцы добрались до того места, где она уже была влажной, и остановились.

Она вздрогнула и сжала его плечо.

— Так? — спросил он шёпотом, губами у её виска.

Кира не смогла ответить, только кивнула. Он стал двигать пальцами медленно, кругами, и она почувствовала, как внутри всё сжимается, а по ногам идёт тепло. Она слышала свои тихие стоны.

Илья целовал её в шею, в плечо, а рука не останавливалась. Кира выгнулась и вцепилась в простыню. Он убрал руку, поднялся и передвинулся на неё сверху, коленом раздвинув её ноги. Кира ощутила его тяжесть, тёплую и приятную.

Он нашёл её губы, поцеловал, и в тот же момент вошёл. Медленно, до конца. Она вскрикнула прямо ему в рот, он на секунду замер, давая ей привыкнуть.

Илья начал двигаться, медленно и глубоко, с каждым ра-

зом чуть сильнее. От его тела шёл жар, грудь скользила по её груди, Кира обхватила его ногами, держась за плечи. Она чувствовала, как внутри поднимается тёплая волна, как она нарастает и не хочет останавливаться.

Илья дышал тяжело, с хрипом, целовал её в шею, в уголок рта.

— Не останавливайся, — прошептала она. — пожалуйста, только не останавливайся.

Он ускорился. Ритм стал короче и резче, с каждым толчком её подбрасывало на кровати, изголовье тихо стукнуло о стену. Кира стонала, уже не сдерживаясь и не узнавая свой голос. Илья хрипел ей в шею, его дыхание обжигало кожу.

Он приподнялся на руках, и она увидела его лицо: волосы упали на лоб, на виске блестел пот.

— Смотри на меня, — сказал он.

Она смотрела. Волна поднялась и накрыла её, тело выгнулось, всё сжалось внутри, и её затрясло. Кира вскрикнула и вцепилась в его плечо, ногти прошлись по коже. Илья продержался ещё несколько движений и застонал, глухо, ей в шею. Потом обмяк и опустился на неё, тяжёлый, горячий, мокрый. Кира лежала, и чувствовала, как стучит собственное сердце.

Глава 5

Бар был один из самых престижных в городе.

Оля сидела у окна в белом платье, перед ней стоял бокал мартини с двумя оливками. Напротив устроилась Ксения, в чёрном, с новой сумкой, которую она поставила на видное место и поглядывала на неё, как на ребёнка.

— Он мне вчера написал в одиннадцать, — сказала Оля.
— Просто «спокойной ночи».

— Может, занят?

— Он всегда занят. Только раньше он был занят и всё равно звонил три раза в день. Утром, в обед и перед сном.

Ксения подняла бровь:

— А может, у него кто-то есть?

— У Ильи? — Оля усмехнулась и покрутила оливку на шпажке. — Он в этом городе уже две недели. И ни разу не предложил, чтобы я приехала.

— Ты спрашивала?

— Я не буду спрашивать. Я не из тех, кто спрашивает.

Ксения отпила из своего бокала и посмотрела на неё внимательно.

— Тогда поезжай сама.

Оля поставила бокал.

— Вот так просто взять и приехать?

— А что? — Ксения пожала плечами. — Ты его девушка

или где?

Оля представила, как войдёт в холл гостиницы, а он обернётся. Она уже давно не устраивала ему сюрпризов.

— Я позвоню, — сказала она. — Скажу, что соскучилась.

— Скажи, что едешь. Про «соскучилась» пусть он говорит.

Оля достала телефон. На экране висело одно сообщение — «работаю», отправленное в полдень. Больше он ничего не написал.

Она открыла приложение с билетами.

— Есть рейс в семь утра.

— Вот и лети.

Оля нажала «оплатить», не спросив его.

— Только не предупреждай, — сказала Ксения. — Сюрприз.

— А если у него правда кто-то есть?

— Тогда ты как раз вовремя.

В семь утра Оля уже сидела в самолёте у окна. Она взяла с собой один чемодан и сумку, которую купила в прошлом месяце.

Летела она недолго, полтора часа, пила воду и листала телефон. Илья не написал ни разу.

Оля закрыла глаза, но не спала. В голове крутилось одно и то же. Она вспоминала, как они познакомились полтора года назад, на приёме у его партнёров. Он стоял у окна с бокалом, она подошла первой и сказала какую-то глупость про погоду.

Он засмеялся. С тех пор Оля знала, чего хочет: он богат, он не глуп, он её.

Только в последний месяц он отвечал через час, потом через три, потом к вечеру. Звонил короче, чем раньше. Оля тысячу раз слышала от подруг, что мужчинам нельзя показывать, что ты их ждёшь, и тысячу раз себе это повторяла.

Стюардесса принесла воду. Самолёт пошёл на снижение, за окном показались поля, потом дома, потом мокрый аэропорт. Оля достала зеркальце, проверила помаду и сказала себе, что сцен устраивать не будет.

В аэропорту она взяла такси. Водитель попался разговорчивый, всю дорогу рассказывал про погоду и пробки, а Оля кивала и смотрела в окно. Город ей не понравился сразу: серые дома, мокрые улицы, люди в куртках.

— В центр, — сказала она.

Гостиница оказалась новой, с большими окнами и стеклянным лифтом.

— Илья Сергеевич у вас живёт? — спросила Оля у стойки, не здороваясь.

Администратор, молодой человек в сером пиджаке, посмотрел в компьютер.

— Девятый этаж, девятьсот двенадцатый.

Оля не стала звонить. В лифте поправила помаду, одёрнула платье, подхватила чемодан и вышла в тихий коридор, где ковёр гасил шаги.

У двери она постояла секунду и нажала кнопку звонка. За

дверью было тихо, потом послышались шаги.

Дверь открылась. Илья стоял на пороге в футболке и домашних штанах, заспанный, с растрёпанными волосами.

— Оля?

— Сюрприз, — сказала она и улыбнулась так, как репетировала в лифте.

Он не обнял её. Отступил на шаг, пропуская в номер, и она вошла.

В номере пахло кофе и чужим мылом. На столе стояли две чашки, одна недопитая. Постель была смята, одеяло отброшено.

Оля обернулась.

— Ты один?

— Один, — сказал Илья и закрыл дверь.

Она посмотрела на него. Он не отводил глаз, но и не спешил ничего объяснять.

— Давно ты так встречаешь гостей?

— Ты не предупредила.

— В этом и был смысл.

Оля сняла пальто и аккуратно повесила его, подошла, поцеловала его и сказала что приехала на несколько дней.

Илья ушёл в половине десятого, сказал, что вернётся к вечеру. Оля дождалась, пока закроется дверь, приняла душ, нарядилась, надела светлое платье и спустилась в холл.

Администратор стоял за стойкой и что-то печатал. Она подошла и облокотилась на стойку.

— Доброе утро. Вы здесь всегда один?

Он поднял глаза.

— Доброе утро. Иногда один.

— Как вас зовут?

— Андрей.

— Андрей. Красивое имя.

Она улыбнулась так, чтобы он понял: она не просто болтает. Парень выпрямился, отложил телефон.

— А вы знаете, кто мой отец?

— Нет.

— У него в Москве своя сеть отелей, центральный прямо в центре. Там есть люкс на два этажа, с видом на Кремль.

— У нас тоже хорошие номера, — быстро сказал Андрей.

— Если вам что-то нужно, вы только скажите. Полотенца, халат, кофе в номер.

— Мне нужно не «что-то». — Оля обвела холл взглядом.

— У вас тут мило. Провинция, но мило.

— Спасибо.

— В отеле моего отца в Москве как раз освободилось место. Не номер, должность. Администратор на ресепшн. Зарплата в три раза больше вашей, квартира от компании.

Андрей сглотнул.

— Я польщён.

— Пока рано. — Она поиграла браслетом. — Сначала я хочу знать одну вещь. С кем Илья Сергеевич провёл ночь?

Он посмотрел на монитор, потом на входную дверь.

— Я не могу. Мы не даём информацию.

— Ты не даёшь информацию. Ты помогаешь мне понять.

Между нами.

— Мне нельзя.

— В Москве квартира с ремонтом и видом на реку. Подумай.

Андрей долго молчал, потом наклонился через стойку и понизил голос.

— Кира. Она у нас не работает. Она из «Заречья», там администратором.

Оля не изменилась в лице.

— И часто она тут бывает?

— Я видел один раз. Вчера. — Он заговорил быстрее, будто торопился выговориться. — Пришли около полуночи, вместе. Она была в чёрном платье. Ушла утром, часов в девять.

— Он её провожал?

— Нет. Она ушла одна.

Это обрадовало Олю больше, чем всё остальное.

— У неё есть муж?

— Не знаю. — Андрей пожал плечами.

Оля достала телефон и записала в заметки два слова: «Кира. Заречье».

— Хорошо, Андрей. Я тебе позвоню. Мне нужны такие люди, а обещания я держу. — Она оттолкнулась от стойки и улыбнулась ему напоследок. — И постарайся, чтобы Илья

Сергеевич ничего не узнал.

Оля вышла на улицу и набрала Ксению.

— Ты была права, — сказала она, как только та взяла трубку.

— У него кто-то есть?

— Кира. Работает в «Заречье» администратором. — Оля помолчала. — У тебя же есть знакомая в «Заречье»?

— Есть. Лена работала на ресепшене.

— Позвони ей сейчас. Мне нужна фамилия. И всё остальное.

Ксения перезвонила через двадцать минут.

— Соколова. Кира Соколова. Тридцать два года, восемь лет в гостинице.

— И?

— Замужем. Муж Костя, начальник отдела, ездит на белой машине. Лена говорит, они живут у рынка, в панельном доме.

Оля усмехнулась.

— Значит, замужняя тётка. Администраторша.

Она представила себе эту женщину и сжала губы, чтобы не сказать лишнего.

— Она её хорошо знала? — спросила Оля.

— Три года вместе за стойкой стояли. Лена про всех всё знает. У неё память, как в компьютере: кто с кем приезжал, кто сколько платил, кто жене звонил из номера.

— Она разговорчивая?

— За конверт расскажет, где ты была в новогоднюю ночь.

Оля усмехнулась и посмотрела на вход в отель. Из дверей как раз вышел мужчина с чемоданом, поймал такси и уехал.

— Договорись с ней. Скажи, что я заплачу, сколько скажет.

— Оль, может, не надо? — тихо спросила Ксения.

— Надо.

В трубке щёлкнула зажигалка. Ксения затянулась и выдохнула.

— Ладно. Она сейчас на смене, но я ей напишу.

— Не пиши. Позвони.

Такси остановилось у рынка. Оля вышла и сразу увидела вывеску «Заречье». Внутрь она не пошла, осталась на другой стороне улицы, у ларька с цветами.

Через стеклянные двери была видна стойка, а за ней женщина в белой блузке и тёмно-синем жилете, тёмные волосы собраны в пучок.

«Ничего особенного, — подумала Оля. — Тридцать два года, уставшее лицо, блузка из магазина у дома».

И всё-таки было в ней что-то, от чего Оля не могла отвести глаз: спокойствие, которого у неё самой не было никогда.

Кира подняла голову и посмотрела в окно, на улицу. Оля отступила за ларёк, к мокрым гвоздикам в ведре.

А потом достала телефон и сфотографировала сначала вывеску, потом её, через стекло.

В отель она вернулась к обеду. Илья пришёл в семь, уста-

лый, с папкой под мышкой.

— Как день? — спросил он.

— Скучно, — сказала Оля. — Гуляла, смотрела город.

Он кивнул и пошёл в душ. Она сидела в кресле и смотрела, как он снимает часы и кладёт их на стол. Про ночь, про две чашки и смятую постель она не спросила ни слова.

За ужином он был внимательнее, чем утром: спрашивал про её планы, предложил остаться до пятницы и посмотреть город вместе.

— Оставайся, — сказал он. — Покажу тебе набережную.

— Хорошо, — ответила Оля и улыбнулась очень искренне.

— Ты сегодня какой-то другой, — сказала она.

— Устал.

— Говорят, ты тут не скучал.

Илья поднял глаза.

— Кто говорит?

— Люди. — Оля улыбнулась и покрутила бокал за ножку.

— Ты же знаешь, я всегда всё узнаю.

Он отложил вилку аккуратно, будто она могла выстрелить.

Он помолчал.

— Не выдумывай, — сказал он наконец.

Оля улыбнулась ещё шире и положила ладонь ему на руку.

— Хорошо. Не буду.

Ночью, когда он уснул, она лежала и смотрела в потолок. В телефоне была фотография: женщина за стойкой, усталое

лицо, собранные волосы. И ещё одна мысль, которую Оля пока не додумала: у Киры есть муж. Костя.

Достаточно, чтобы он всё узнал.

Глава 6

Утром она первым делом нашла телефон Кости. Это оказалось проще, чем она думала: фамилия, место работы, страница в соцсети, на аватарке он с удочкой на фоне реки. Оля сохранила номер и убрала телефон в сумку.

Весь день она ходила с Ильёй по набережной, слушала про старый монастырь, держала его под руку и соглашалась со всем. Он был доволен, и от этого ей становилось легче.

А вечером, когда он задремал в кресле с телефоном в руке, она вышла на балкон и набрала номер.

Долго никто не отвечал.

— Алло, — сказал мужской голос.

— Костя?

— Да. Кто это?

Оля помолчала. Внизу горели фонари, по дороге шли машины с мокрыми крышами.

— У вас есть полчаса? Мне нужно вам кое-что показать.

— Что показать?

— Вашу жену, — сказала она мягко.

— Кто вы? — спросил он.

— Неважно. Я отправлю фотографии.

— Какие фотографии?

— Вашей жены. — Оля смотрела вниз, на мокрый асфальт. — Я живу в том же отеле, где она была вчера. Номер

девятьсот двенадцатый. И она была там не одна.

В трубке стало тихо. Потом послышалось, как он куда-то пошёл, как хлопнула дверь.

— Вы понимаете, что говорите? — спросил Костя совсем другим голосом.

— Понимаю.

— Это какая-то ошибка.

— Может быть. Я вам всё пришлю, фотографию женщины, которая провела там ночь, а вы посмотрите сами.

Через минуту её телефон пиликнул: «Вы кто?» Она отправила фотографию гостиницы и женщину за стойкой, снятую через стекло.

Ответ пришёл не сразу. Два коротких слова: «Это Кира». «Да», — написала Оля и убрала телефон.

Костя сидел на краю кровати в командировочном номере, где пахло краской и стиркой. Телефон лежал перед ним экраном вверх.

Он увеличил снимок. Женщина за стойкой, тёмные волосы, знакомая блузка. Это была Кира.

Он набрал её номер. Пошли гудки, потом короткое: «Абонент не отвечает». Набрал ещё раз. Потом написал: «Перезвони». И ещё: «Срочно».

Ответа не было.

Костя открыл мини-бар, достал маленькую бутылку виски, налил в стакан и не выпил. Он вспоминал утро, рубашку, её лицо, когда она сказала «Спала». Ему стало противно,

потом страшно: он не знал, кто эта женщина с фотографией и зачем ей это нужно.

В пять утра он открыл билеты. Ближайший рейс был в семь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.